

Новые смыслы понятия «правовая энтропия»

Ерохина Ю.В.,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права факультета права
Высшей школы экономики
E-mail: yerohina@hse.ru

Аннотация. Автором с позиции синергетического подхода рассматривается понятие «правовая энтропия» в классическом и неклассическом вариантах. Освещается взаимосвязь правовой энтропии с неопределенностью, неупорядоченностью, дезорганизацией, неорганизованностью, обострением противоречий в правовой системе, неустойчивостью, мерой движения материи.

Ключевые слова: правовая энтропия, правовая система, неопределенность в праве, теория права, синергетика.

В последнее время проведено довольно много исследований в области применения синергетического подхода при описании системных правовых явлений. В связи с этим считаем целесообразным вновь обратиться к анализу понятия «правовая энтропия»¹, но уже с учетом современных реалий.

Синергетическая методология привлекла к себе внимание многих исследователей. Синергетический аспект развития права активно изучался западноевропейскими учеными, такими как Дж. Балкин, Дж. Бойл, Г. Гудрич и др. В отечественной науке предпосылки использования синергетического подхода в праве и основные направления исследований заложены в трудах С.Н. Братуся, В.А. Козлова, В.В. Лазарева, С.В. Липеня, В.М. Сырых, В.А. Шабалина и др.

Значительные результаты в исследовании синергетического подхода в правоведении достигнуты А.Б. Венгеровым, Г.А. Тумановым, К.В. Шундиковым. Отдельные положения синергетики удачно освещены в трудах Э.С. Байниязовой, А.И. Бойко, Ю.Ю. Ветютнева, В.А. Груниной, В.Н. Карташова, Т.Н. Назаренко, Е.А. Чичнева и др.

В качестве основной методологии исследования выступают гносеологические стратегии синергетического подхода. Гносеологически синергетика опирается на метод аналогии. Эвристические возможности метода аналогии основываются на символичности и системности базовой структуры сознания.

Синергетический подход рассматривается нами как развитие системного подхода, вызванное необходимостью изучения саморазвивающихся систем. Такое понимание синергетики обусловлено следующим обстоятельством: синергетика от изучения структуры системных объектов и функционирования систем перешла на новый уровень — к рассмотрению того, как строение и функционирование сложных и сверхсложных систем проявляются в их развитии.

С помощью синергетического подхода представляется возможным изучить определенные стороны, связи правового явления и, в частности, переход количественных свойств, признаков в качественные. Именно поэтому данный подход применяется не в любом исследовании, а лишь там, где возникает необходимость в изучении определенных сторон, свойств явления.

При использовании синергетического подхода также следует учитывать основные методологические установки юридической науки. Поскольку современная наука характеризуется высокой интегрированностью, а межнаучные трансляции результатов и методов исследования являются элементом механизма ее развития, то привлечение исследовательских средств других наук есть необходимое условие развития любой науки, в том числе и юриспруденции. При этом актуализация того или иного исследовательского инструментария других наук определяется в первую очередь философскими идеями, социальными и культурными ценностями, целями и задачами конкретных исследований, актуализированных в рамках юриспруденции. Ограничение в применении тех или иных исследовательских средств других наук задается природой государства и права, логикой предмета юридической науки.

Отказ от понимания правового развития как жестко и однозначно детерминированного процесса привел к необходимости изменения подходов к пониманию роли энтропии в праве.

Анализ процессов, характеризующих современную правовую действительность, и основных тенденций развития права позволяет рассматривать правовую энтропию как объективное, закономерное явление, как имманентное свойство правовых систем. Вместе с тем налицо проблема, состоящая в явном несоответствии существующего в праве явления уровню знаний о нем, накопленных юридической наукой. В связи с этим целесообразно рассмотреть понятие энтропии в классическом и неклассическом вариантах.

Категория «энтропия» применяется для описания состояния именно систем. Следовательно,

¹ См.: Павлова Ю.В. Правовая энтропия. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2005.

в процессе исследования внимание должно быть сконцентрировано на системных характеристиках правовых явлений. Право, вся правовая реальность под определенным углом зрения могут быть представлены в качестве мегасистемы, элементами которой выступают системы различного порядка и уровня сложности. Особенностью же правовой реальности, рассматриваемой с позиции системного подхода, является то, что элементы этой мегасистемы разнородны: это и социальные системы, представляющие разновидность материальных систем, и системы абстрактные, то есть системы идеального порядка, являющиеся продуктом человеческого мышления.

Понятие «правовая энтропия» сравнительно новое для правовой науки, однако на современном этапе развития юридического знания многие особенности формирования правовых системных образований не могут быть адекватно объяснены без введения такого термина.

Энтропия — это абстракция, но она отражает определенные (энтропийные) качества и свойства, объективно присущие предметам и явлениям. Объем понятий, охватываемых этим термином, неодинаков, а толкования, даваемые разными исследователями, порой неполны и противоречивы.

Для того чтобы в этом вопросе прийти к единообразию, следует обратиться к этимологии слова «энтропия». Считается, что в русский язык оно пришло из греческого (*от греч. εν — внутри + thgore — поворот, превращение*)². Словарные толкования термина «энтропия» в основном не противоречат друг другу.

Так, в словаре иностранных слов выделяют два значения: во-первых, в теории информации энтропия означает «меру неопределенности ситуации с конечным или с четным числом исходов, например опыт, до проведения которого результат в точности неизвестен»; во-вторых, под энтропией в физике понимают «одну из величин, характеризующих тепловое состояние тела или системы тел; мера внутренней неупорядоченности систем»³.

Философская энциклопедия дает следующее определение энтропии: «функция состояния термодинамической системы, характеризующая направление протекания самопроизвольных процессов в этой системе и являющаяся мерой их необратимости»⁴.

В кибернетике при помощи понятий энтропии и негэнтропии (отрицательной энтропии) выражают меру организованности системы⁵.

Большой толковый психологический словарь определяет энтропию так: «1. В когнитивной теории имеется тенденция связывать это понятие с неопределенностью. То есть чем выше неопределенность последствий любой ситуации, тем больше будет количество информации, содержащейся в ней, и тем больше будет энтропия. 2. В психоаналитической теории — степень, в которой психическая энергия становится недоступной для использования после вложения ее в определенный объект. 3. В социальной психологии — количество энергии, ставшей недоступной для осуществления социальных изменений и социального прогресса»⁶.

Таким образом, на основании анализа словарных статей можно сделать следующий вывод: в самом общем виде выделяются два основных значения рассматриваемого термина, отражающие два главных свойства энтропии: мера неопределенности, неорганизованности и характеристика состояния системы.

Однако словарные толкования не вносят ясности в вопрос о том, что же собственно собой представляет энтропия и каковы сферы возможного применения одноименного термина.

Понятие энтропии было введено немецким физиком Р. Клаузиусом (1865), который трактовал рост энтропии как тенденцию к выравниванию температуры по объему. Эта же мысль присутствует в книге «Теория теплоты» британского ученого Дж. Максвелла (1871). В своей статье австрийский физик Л. Больцман в 1877 г. отметил, что энтропия характеризует равномерность описываемого систему распределения, а в «Лекциях по теории газов» (1895–1898) он уже связывал вероятность состояния, а следовательно, и энтропию с неупорядоченностью, но говорил об этой связи как бы вскользь. Г. Гельмгольц в 1883 г. рассматривал энтропию как меру дезорганизации. Таким образом, энтропия в классическом представлении есть мера неупорядоченности системы.

В связи с этим особый интерес представляют исследования правовых процессов, в качестве объектов которых выступают самоорганизующиеся системы и в которых интенсивно используются категории «энтропия», «негэнтропия» и т.п.

В работах по философии и социологии права под социальной энтропией понимают дезорганизацию, но при этом предпочтение отдается категории «возможность».

Так, В.А. Бачинин полагает, что энтропия в качестве возможности всегда присутствует в любой из социальных систем, но активные и целенаправленные усилия цивилизующего характера не позволяют этой возможности переходить в

² Большой словарь иностранных слов / сост. Ю.А. Москвин. М.: Центрполиграф, 2007.

³ Там же.

⁴ Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Сов. энцикл., 1970. Т. 5. С. 565.

⁵ См.: Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. С. 40–58.

⁶ Большой толковый психологический словарь: в 2 т. / сост. А. Ребер. М.: Вече, 2000. Т. 2. С. 516–517.

действительность в полном объеме⁷. По его мнению, «правовая система в целом и входящие в ее состав подсистемы получают возможность рассматриваться как диссипативные структуры, существующие за счет регулярных сбросов вовне накапливающего балласта избыточной энтропии. Самым масштабным образцом такой диссипативной структуры может служить государство как социальная система. Логика процесса диссипации помогает объяснить, зачем государствам необходимы периодические войны и борьба с внутренними врагами социального порядка — преступниками, мятежниками, сепаратистами и т.д. Это помогает им освободиться от накапливающегося энтропийного балласта, динамизировать социальную жизнь, интегрировать отдельные социальные подсистемы в дееспособные, эффективно функционирующее целое и тем самым поддерживать необходимую степень общей жизнеспособности всего социального организма»⁸.

Таким образом, представители данного научного направления определяют социальную энтропию как «динамику распада объективных и субъективных нормативно-ценностных структур, сопровождающуюся ослаблением их социализирующих и регулятивных функций»⁹.

Однако в юридической науке существуют и иные подходы к пониманию энтропии. Например, в работах по ювенальной юстиции энтропию связывают с возрастанием информации в системе. А.С. Автономов не дает определения понятия «энтропия», хотя и использует его, говоря о том, что «единство и борьба энтропии и неэнтропии и возрастание информации является одним из фундаментальных принципов самоорганизации в процессе эволюции систем. Что касается структурной устойчивости, речь идет об установленном свойстве систем подавлять, нейтрализовывать в результате возникающих внутри них процессов различного рода внешние воздействия. Борьба информации и энтропии является центральной или, по крайней мере, важнейшей проблемой в значительной части системных исследований»¹⁰.

Некоторые авторы под энтропией понимают всякую неопределенность, неупорядоченность. Так, М.М. Рассолов, впервые применивший категорию «энтропия» к праву, рассматривал ее в рамках вероятностного подхода к измерению социально-правовой информации. Согласно его точке зрения, «в правовой реальности под эн-

тропией можно понимать всякую неупорядоченность, дезорганизацию, неопределенность, которые могут неизбежно проявляться как в организационной структуре управляемых правовых систем, так и в их функционировании»¹¹. Он считал, что в юридической науке понятие энтропии (в определенной мере) может быть использовано при изучении управляемых правовых систем.

Между тем вышеприведенный материал не исчерпывает всех точек зрения на сущность и проявления энтропии, но свидетельствует том, что к этой проблеме приковано пристальное внимание представителей различных отраслей научного знания.

Кроме того, анализ позиций рассмотренных авторов позволяет заключить, что они делали акцент на той или иной черте этого сложного и многопланового феномена, а вне сферы их научных интересов остались другие стороны и проявления.

В контексте настоящего исследования важным представляется высказывание С.Д. Хайтуна о том, что тождественность энтропии с беспорядком не только никем никогда не была доказана и не только не может быть доказана в принципе, но и прямо противоречит реально наблюдаемым фактам, ибо эволюция наблюдаемого мира — неорганическая, органическая и социальная — идет не в сторону упрощения эволюционирующих систем, как предписывает эта трактовка в сочетании с законом возрастания энтропии, но в прямо противоположном направлении — в сторону их усложнения¹². Это неклассический подход к пониманию энтропии.

Противоречие обсуждаемой трактовки энтропии фактам побудило целый ряд исследователей подвергнуть в последней трети XX — начале XXI в. эту трактовку сомнению, высказав аргументы в пользу того, что рост энтропии вовсе не препятствует росту сложности.

В реальной жизни проявления энтропии более многообразны и подчас не укладываются в искусственно созданные упрощенные схемы. Разнообразие мнений о сущности энтропии объясняется многоаспектностью этого явления, недостаточной его изученностью. Это, в свою очередь, вызвано объективными причинами: авторы анализируют энтропию под разным углом зрения, на разном уровне абстракции, в различной взаимосвязи с другими явлениями действительности.

Вместе с тем при анализе приведенных определений выявляется связь энтропии с неопреде-

⁷ См.: Бачинин В.А. Социально-правовая реальность как предмет макросоциологического анализа // Журнал социологии и соц. антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 60–78.

⁸ Там же. С. 63.

⁹ Там же.

¹⁰ Автономов А.С. Ювенальная юстиция : учеб. пособие. М.: НАН, 2009. С. 111.

¹¹ Рассолов М.М. Проблемы управления и информации в области права. М.: Акад. МВД России, 1991. С. 69.

¹² См.: Хайтун С.Д. Трактовка энтропии как меры беспорядка и ее воздействие на современную научную картину мира // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 62–74; Haitun S.D. Entropy and Disorder: The Evolution of Views Concerning Their Connection // Thermodynamics: History and Philosophy. Singapore, 1991. P. 220–227.

ленностью, неупорядоченностью, дезорганизацией, неорганизованностью, обострением противоречий в системе, неустойчивостью, мерой движения материи.

Это связано с тем, что российские исследования синергетического подхода к праву базируются на постулатах различных направлений: брюссельской школы (И. Пригожин), рассматривающей исторические предпосылки, теоретические и философские основания синергетики; российской школы (М.В. Волькенштейн, С.П. Курдюмов, Д.С. Чернавский) — математическое моделирование, универсальный эволюционизм, коэволюция человека и природы; штутгартской школы (Г. Хакен), исследующей процессы самоорганизации в природных и социальных системах; школы «катастрофистов» (В.И. Арнольд, Р. Том), использующей математический аппарат, теорию катастроф, устойчивости.

При попытке синергетического анализа правовых систем становится очевидным, что отмеченные явления присутствуют в правовой реальности. Следовательно, логически напрашиваются вопросы о связи энтропии с ними, о том, насколько возможно отождествление ее с каким-либо из указанных явлений.

Неопределенность, объективно присутствующая в общественных отношениях, неоднородна и по форме проявления, и по содержанию. В процессе юридической и иной социальной деятельности существует большое количество неопределенностей, которые нельзя ни исключить из этих процессов, ни игнорировать.

Неопределенность в широком смысле — явление несовершенства правового регулирования, обусловленное объективными и субъективными факторами правообразования, обозначающее неточное, неполное и непоследовательное закрепление и реализацию в праве нормативной правовой воли. Это своеобразное несовершенство права, дефект воли создателя нормы.

Существование неопределенности в правовой сфере обусловлено еще и неполнотой, недостаточностью информации об объекте, процессе, явлении, по отношению к которому принимается правотворческое или правоприменительное решение. Это связано с ограниченностью человека при сборе информации, постоянной изменчивостью информации о многих объектах. Для принятия подобного решения необходимо наличие достаточно полной и объективной информации. В то же время на практике такая информация нередко бывает разрозненной, разнокачественной, неполной и искаженной.

Значительное количество неопределенностей в сфере права, в правовом регулировании обусловлено взаимодействием права с другими функционирующими в обществе системами: экономическими, политическими, социальными.

Так, С.С. Алексеев отмечает, что в тех условиях, когда сфера правового регулирования заужена, когда не используются возможности права для организации общественных отношений, в обществе возникает угроза произвола, хаоса, непредсказуемости в тех областях человеческих отношений, которые можно и нужно упорядочить с помощью права. Когда же сфера правового регулирования неоправданно расширена, особенно за счет централизованного государственно-властного воздействия, создаются условия для укрепления тоталитарных режимов, зарегулированности поведения людей, ведущего к социальной пассивности, безынициативности членов общества¹³.

Неопределенность связана с причинами не только объективного, но и субъективного, гносеологического порядка. К числу таких причин можно отнести: относительность процесса познания человеком окружающей действительности (например, процесс юридического познания включает в себя элементы неопределенности, поскольку каждый его новый этап открывает новые проблемы); невозможность однозначного познания объекта при существующих в данных условиях уровне и методах научного познания; относительная ограниченность сознательной деятельности человека, имеющиеся различия в социально-психологических установках, идеалах, измерениях, оценках, стереотипах поведения.

Неопределенность в праве в узком значении может рассматриваться в качестве технико-юридического дефекта текста права как внешней, письменной формы его выражения.

Неопределенность как технико-юридический дефект представляет собой логико-языковые отступления, деформации в построении и выражении правовых норм, проявляющиеся в отсутствии точного, полного нормативного правового установления, что неизбежно влечет снижение регулятивных свойств права, затрудняет толкование его норм и препятствует их эффективной реализации. Даже в такой относительно простой системе, как правовая норма, неопределенность содержится в «снятом» виде, в потенциальном состоянии. В силу абстрактного характера нормы, при ее реализации различными субъектами правоотношений, возникает неопределенность относительно достижения тождественности между вариантом поведения, предусмотренного нормой, и фактическим поведением субъектов. Это обусловлено как объективными детерминантами, например разностью конкретных фактических обстоятельств, влекущих реализацию, так и субъективными: различиями в уровне правовой культуры, степенью правовой информирован-

¹³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1.

ности, наличием в правосознании активных элементов, различием в восприятии и интерпретации одних и тех же фактов и др.

Неопределенность в правовой сфере и правовая энтропия теснейшим образом связаны, однако попытки отождествления их, на наш взгляд, не вполне правомерны. В связи с этим определенный интерес представляет точка зрения, согласно которой энтропия изначально заложена в позитивном праве.

Так, В.Е. Эминов, С.В. Максимов, И.М. Мацкевич заявляют, что «право энтропично (неопределенно) по своей сути и нуждается в толкователе и применителе»¹⁴. В приведенном высказывании можно вычленим три идеи: первая — о неопределенности права, вторая — об отождествлении энтропии и неопределенности и, наконец, третья — об энтропичности права.

Говоря о неопределенности права, считаем необходимым обратить внимание на следующее. Безусловно, достичь полной определенности в праве невозможно, о чем уже говорилось выше. Некоторая доля неопределенности будет присутствовать в содержании права, во всех его компонентах: и в политическом (волевом) содержании права, которое представляет собой объективированную в словесно-документальной форме императивную волю законодателя; и в его социальном содержании, представляющем собой многообразие составляющих предмет правового регулирования социальных ситуаций — локализованных во времени и в пространстве совокупностей субъектно-объектных обстоятельств; и в его собственно юридическом содержании — совокупности специфических юридических образований, нематериальных конструкций (нормы, правоотношения, субъективные права и юридические обязанности, типы правового регулирования и др.).

Идеи законодателя относительно вариантов поведения участников общественных отношений, выраженные в специфической юридической форме, определяющие границы возможного и должного поведения социальных субъектов, закрепляются в предельно обобщенном, абстрактном виде с тем, чтобы охватить предельно широкий круг конкретных социальных ситуаций. Однако охватить в нормах права абсолютно все возможные варианты сочетания обстоятельств, в целом входящих в предмет правового регулирования, нереально. Следует помнить, что норма права — это «огрубленная» модель регулируемого общественного отношения, и уже в силу этого достижение полного соответствия между моделью поведения и фактическим поведением в принципе невозможно.

¹⁴ Эминов В.Е., Максимов С.В., Мацкевич И.М. Коррупционная преступность и борьба с ней: учеб. пособие. М.: Юрист, 2001. С. 21.

Кроме того, следует учитывать, что в процессе восприятия государственной властной воли субъектами правоотношений в силу причин как объективного, так и субъективного порядка мысль законодателя может быть искажена. Ведь объективация государственной властной воли представляет собой, по существу, «перевод» субъективно существующей идеи в воспринимаемые субъектами правоотношений нормативные формы. Реализация и применение права, в свою очередь, требуют «обратного перевода», в процессе которого возможны «потери регулятивной энергии». Предсказать абсолютно определенно, насколько велики будут «потери регулятивной энергии» норм, нельзя.

Таким образом, можно утверждать, что неопределенность присутствует в праве и в виде возможности, и в виде действительности¹⁵. Однако неопределенность в праве не носит абсолютного характера, ибо в противном случае утрачивался бы смысл существования права в обществе. Напротив, право нацелено на устранение неопределенности из сферы регулируемых общественных отношений. Оно выступает своего рода средством сведения числа неопределенностей в общественных отношениях к минимуму и в этом смысле право теснейшим образом связано с энтропией.

По справедливому замечанию Т.Н. Назаренко, неопределенность может быть положительным явлением в праве и выступать средством правового регулирования. Это проявляется в абстрактном способе формулирования норм права, диспозитивных и относительно определенных правовых нормах, использовании законодателем «рамочных» законов, оценочных понятий и др. В этом качестве неопределенность открывает возможности для индивидуального регулирования, известного «усмотрения» правоприменительных органов¹⁶.

Право динамично, что отмечается многими исследователями. Его динамика связана как с ходом развития регулируемых общественных отношений¹⁷, так и с внутрисистемной динамикой, являющейся способом существования права.

Энтропия, как и право, не предполагает полной неопределенности. Как видно из результатов системных исследований, энтропия есть некоторое число, отражающее количество неопреде-

¹⁵ Это, в частности, подтверждается результатами исследований категорий «возможность» и «действительность» в праве (См.: Явич Л.С. Необходимость и случайность, возможность и действительность в праве // Методологические проблемы советской юридической науки. М.: Наука, 1984).

¹⁶ См.: Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

¹⁷ См.: Рехтина И.В., Кардашов М.В. Динамика гражданского процессуального законодательства России под воздействием постановлений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 24–27.

ленностей в социальных системах, встроенных в свою очередь в систему более высокого порядка — общество. В виде этого числа она присутствует и в самом праве как системном образовании, и в системе регулируемых правом общественных отношений. Преодоление неопределенности в праве происходит в процессе толкования и конкретизации правовых норм. Устранение неопределенности представляет собой окончательное заполнение «правового вакуума» (отмена нормы, содержащей неопределенность; издание другой нормы права и др.). Преодоление есть временное снятие неопределенности применительно к конкретным случаям.

При анализе системных характеристик правовых явлений обнаруживается наличие в правовой реальности и неупорядоченности.

Неупорядоченность в правовой сфере проявляется, например, в функционировании системы правотворчества. В этой связи показательно взаимодействие подсистем на иерархическом структурном уровне — Российской Федерации и ее субъектов.

По мнению О.М. Зуева, «по-прежнему во главу угла необходимо ставить проблемы преодоления несовершенства правотворческого процесса, ибо именно с этого процесса начинается “жизнь” незаконного акта»¹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе функционирования правовой системы незначительные флуктуации периодически возникают, однако их качество и количество не позволяют системе выйти из режима аттрактора. Само же наличие определенного количества подобных флуктуаций свидетельствует о наличии в ней энтропии. При этом энтропия выражается не в полной неупорядоченности, а лишь в известной ее степени.

Проявления правовой энтропии обоснованно связывают с наличием в правовой реальности элементов неорганизованности, вернее, дезорганизации. Причем в данном случае речь идет не о полной дезорганизации тех или иных подсистемных образований, из которых состоит правовая система общества, а лишь об элементах дезорганизации, о некоторой ее степени, поскольку полная дезорганизация есть распад системы, прекращение ее функционирования.

Наиболее наглядно она проявляется в функционировании интегрированных системных образований, сочетающих в своей структуре подсистемы материального (социальные — система субъектов определенной юридической деятельности) и идеального порядков (абстрактные системы, представляющие собой систему правовых

норм, регулирующих ту или иную разновидность юридической деятельности).

В качестве таковых можно рассматривать, например, систему уголовной юстиции. Эффективность функционирования системы уголовной юстиции во многом определяется согласованностью действий различных субъектов (следователей, прокуроров, судов, органов дознания) в процессе достижения общей для этой системы цели, а также четкой организацией деятельности различных ее звеньев.

В идеале, при четком исполнении каждым должностным лицом, органом своих функциональных обязанностей система должна обладать максимальной эффективностью, выражающейся в том, что каждый, совершивший преступление, привлекается к уголовной ответственности и несет законное наказание, каждое уголовное дело полно и объективно расследуется без каких-либо нарушений законности и ущемления прав личности и т.п. Однако реальная действительность весьма далека от этой модели.

Безусловно, было бы абсолютно неверным утверждать, что система уголовной юстиции полностью дезорганизована и не осуществляет целевого функционирования. Подобная практика не является общим правилом — эти флуктуации подавляются как воздействиями внутри самой системы (прокурорский надзор, судебный и внутриведомственный контроль), так и в результате внешних воздействий (контроль со стороны общественности, журналистские расследования и др.).

Наличие элементов дезорганизации в правовой реальности тесно связано с другим проявлением энтропии — неустойчивостью поведения правовой системы — выступает в определенной степени ее следствием и, как это ни парадоксально, причиной неустойчивости самой системы.

Неустойчивость поведения правовой системы является следствием некоторой дезорганизации во взаимодействии как структурных элементов самой системы, так и во взаимодействии системы с внешней средой, с другими системными образованиями (правовыми, являющимися, наряду с рассматриваемой системой, элементами структуры правовой системы более высокого порядка, а также социальными системами: политическими, экономическими и т.д.). Она выражается в нарушении функциональных и структурных характеристик системных правовых образований. Неустойчивость поведения свойственна не только материальным (социальным) или интегрированным системам, но и системам абстрактным, таким, например, как норма или отрасль права.

Пример функционирования первичного уровня системы права — правовой нормы — свидетельствует о том, что последняя выполняет

¹⁸ Зуев О.М. Актуальные вопросы минимизации последствий действия незаконных актов // Образование и наука: Изв. Урал. отд-ния Рос. акад. образования. Прил. 2006. № 1. С. 135.

регулятивную функцию только тогда, когда находится в режиме аттрактора.

Режим аттракции правовой нормы характеризуется двумя признаками: внутренним и внешним. Внутренний выражается в устойчивости взаимодействия элементов логической структуры нормы: гипотезы, диспозиции и санкции. Каждый из элементов выполняет определенную функцию по отношению к другому. Кроме того, каждый из этих элементов взаимодействует с внешней средой, с теми или иными фрагментами социальной действительности.

Регулятивная функция нормы в целом есть результат, с одной стороны, взаимодействия элементов, а с другой — результат совокупного воздействия всех ее элементов на регулируемое общественное отношение.

Внешний признак режима аттракции нормы также связан с устойчивостью, в том числе и устойчивостью обратных связей. Норма права может регулировать общественное отношение только тогда, когда последнее адекватно отражено в гипотезе и главным образом в диспозиции нормы. В тех случаях, когда норма не отражает реального общественного отношения, ее взаимодействие с внешней средой прерывается, она утрачивает свой регулятивный потенциал, так как отсутствие динамики лишает ее «регулятивной энергии».

Вместе с тем следует учитывать, что утрата «регулятивной энергии» конкретной нормой — вполне нормальное явление. Подобные флуктуации, приводящие систему более высокого порядка (уровень норм в системе права) в состояние неустойчивости, компенсируются на более высоком уровне, уровне отраслей права. Эта компенсация происходит в результате внешнего воздействия либо в процессе правотворчества, либо же в процессе правоприменения посредством использования институтов аналогии или правоприменительного риска¹⁹.

Подобные бифуркации могут возникать и на уровне всей мегасистемы — действующего позитивного права. На определенных этапах эволюции правовой системы общества возникают ситуации, характеризующиеся расхождением между действующим позитивным правом и объективными потребностями общества. О таких ситуациях пишет Л.С. Явич: «Когда же юридический закон не отражает в достаточной мере верно объективных потребностей, то он не способен совершенствовать производственные отношения и либо мешает их развитию, либо остается на бумаге, не воплощаясь в адекватные его требованиям правовые отношения»²⁰.

¹⁹ Мамчун В.В. Правоприменительный риск. Проблемы теории. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2001.

²⁰ Явич Л.С. Право и общественные отношения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 21.

Подобные возмущения в правовой системе — флуктуации — приводят в конечном итоге к тому, что поведение системы в окрестности точки бифуркации становится парадоксальным: фундаментальную роль начинают играть случайности, второстепенные факторы. Правовая система утрачивает устойчивость, выходит из режима аттрактора.

Таким образом, можно утверждать, что определенная степень неустойчивости систем присутствует в правовой реальности, являясь показателем системной динамики в правовых системах различного уровня. Однако правовые системы, будучи самоорганизующимися, в результате внутренних и внешних воздействий способны подавлять флуктуации, влияющие на устойчивость системы, в результате чего та или иная система возвращается в стационарное состояние.

При анализе правовой реальности, представленной в виде иерархической сложно организованной развивающейся мегасистемы, невозможно обойти вниманием вопрос об источниках динамики, характеризующей движение правовой материи.

Следует оговориться, что под динамикой в данном случае понимаем все векторы движения правовой материи. Это — и внутрисистемная динамика (структурная, отражающая как взаимодействие элементов структуры правовых систем, так и взаимодействие различных правовых систем на более высоких структурных уровнях), и функциональная, выражающаяся в их функциях. Посредством категории «динамика» можно также описывать прямые и обратные связи правовых систем с внешней средой. Кроме того, динамика подразумевает еще и вектор развития — регресс либо эволюцию правовой системы.

В диалектической трактовке противоречия выступают источником развития системы. Полагаем, что диалектический и синергетический подходы не антагонистичны, напротив, они дополняют друг друга, ибо синергетика — это не антидиалектика и не альтернатива диалектике. Синергетика, как и диалектика, также изучает развитие систем, но при этом акцентирует внимание на другом его срезе.

В связи с этим применительно к вопросу о соотношении обострения противоречий в системе с правовой энтропией считаем возможным использовать диалектическое понимание роли противоречий как источник развития.

Именно противоречия порождают правовую динамику. В.С. Жеребин считает, что главным противоречием в праве является несоответствие установленного формального равенства реальному содержанию правомочий различных людей²¹.

²¹ Жеребин В.С. Правовая конфликтология: курс лекций: в 2 ч. Владимир: ВлГУ, 1998. Ч. 1. С. 44.

Следует также отметить, что противоречия, возникающие в правовых системах, различны по своей природе, проявлениям и качеству. Так, указанное выше противоречие между объективными и субъективными сторонами права разрешается через систему правоотношений²².

Кроме того, это могут быть противоречия в системе регулируемых правом общественных отношений — противоречивые интересы различных субъектов права. На снятие, разрешение этих противоречий направлено действие системы правотворчества, осуществляющего функцию нормативного регулирования. Если все же эти противоречия не удастся устранить посредством правотворчества, они разрешаются в процессе воздействия на элементы этой системы другого системного образования — правоприменения, выполняющего функцию поднормативного регулирования.

В ряде случаев противоречия в системе регулируемых общественных отношений могут возникать в виде правонарушений и тогда они подавляются в результате воздействия со стороны правоохранительной системы.

Противоречия могут существовать в самом позитивном праве. Для обозначения этой категории противоречий используются термины «коллизии позитивного права» и «пробелы».

Противоречия возникают также внутри того или иного системного образования между различными элементами структуры. Так, в системе правотворчества в ряде случаев возникают так называемые коллизии компетенции. О подобных ситуациях пишет В.А. Толстик, приводя два типичных примера: «В первом случае — Федеральное Собрание Российской Федерации принимает федеральный закон по вопросам, которые относятся к исключительному ведению субъектов РФ. Во втором случае — законодательный орган власти субъекта РФ принимает закон по вопросам, отнесенным к исключительному ведению Российской Федерации. И в первом, и во втором случаях имеет место коллизия компетенции и соответственно псевдоколлизия соответствующих законов»²³.

Вместе с тем мы не ставим задачи детального анализа различных противоречий в правовых системах, поскольку это не является целью настоящего исследования. В данном случае принципиальное значение имеет ряд обстоятельств: 1) подобные противоречия существуют; 2) в процессе внутренних и внешних воздействий они подавляются, что позволяет системе функционировать в режиме аттрактора; 3) противоречия являются источником системной динамики.

В вопросе о связи противоречий и энтропии больший интерес представляет не просто существование противоречий, а их обострение, точнее, степень обострения. Обострение противоречий в праве является показателем роста правовой энтропии. В этой связи принципиально важным является вопрос о том, какого рода эти противоречия и насколько они могут быть обострены.

Противоречия между отдельными элементами структуры в системе приводят ее к структурному кризису и в конечном счете — к перестройке структуры. В этом случае энтропия, достигнув максимально возможного значения, убывает, но не полностью, а до определенного минимального значения.

Если же обострение приводит к перерастанию противоречий в антагонизмы, то система начинает функционировать в режиме с обострением, противоречия охватывают все уровни, энтропия стремится к максимальному уровню, к бесконечности и перерастанию в хаос. Это есть утрата устойчивости системы, выражающаяся в неупорядоченности, а затем и в прекращении внутрисистемных и межсистемных взаимодействий, за ней следует полная дезорганизация системы, прекращение ее существования как системы.

В результате произведенного анализа можно говорить о том, что энтропия присутствует в праве в виде возможности и действительности. В правовой реальности она связана с такими явлениями, как: неопределенность, неупорядоченность, дезорганизация, неустойчивость системы, обострение противоречий. Однако явление, отражаемое категорией «правовая энтропия», несмотря на наличие этих связей, не может быть отождествлено ни с одним из перечисленных явлений. Связь между ними может быть описана с использованием следующих терминов: «мера», «степень», «число».

Кроме наличия отмеченных связей, представляется необходимым принять во внимание еще одно обстоятельство: «неопределенность», «дезорганизация», «неупорядоченность», «неустойчивость», «обострение противоречий» — категории, указывающие на системную динамику, отражающие те или иные аспекты движения правовой материи. Следовательно, вполне обоснованно можно предположить, что в самом общем виде правовая энтропия в сущности своей представляет именно меру движения правовой материи.

С учетом сказанного предлагаем следующее рабочее операциональное определение: правовая энтропия — это разница между идеальным и реальным процессом, мера неупорядоченности, известной дезорганизации правовой системы, которая является результатом нормальной динамики, движения материи в сфере права,

²² Там же.

²³ Толстик В.А. Иерархия источников российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2002. С. 15.

приводящих к обострениям противоречий в системе, что влечет за собой неустойчивость структурных и функциональных связей, выражающуюся в неопределенности ее дальнейшего состояния.

Таким образом, вышеизложенное дает нам повод обратиться к неклассическому варианту понятия энтропии. Во-первых, в классической трактовке понятия энтропии есть противоречия. Во-вторых, мало исследованы сам принцип возрастания правовой энтропии и его связь с беспорядком. В-третьих, существуют исследования, которые демонстрируют несостоятельность попытки Р. Клаузиуса описать необратимые процессы одним понятием энтропии. Разные авторы при рассмотрении неклассического понятия энтропии приходят к единому мнению, что понятие энтропии нельзя связывать с понятием беспорядка, потому что упорядочение, развитие системы, то есть уменьшение беспорядка, могут сопровождаться увеличением энтропии и наоборот. В неклассическом представлении правовая энтропия может быть представлена как некая величина, показывающая, насколько много в правовой системе различных состояний, но она не отражает того, насколько они устойчивы, то есть не связывается с понятием беспорядка, ведь порядок и беспорядок выступают как детерминированное и недетерминированное состояния системы. Другими словами, порядок и беспорядок показывают вероятность нахождения системы в том или ином состоянии, а неклассический вариант понятия энтропии — количество таких состояний. За признанием неклассической трактовки энтропии последуют изменения и в научной картине мира. Вместе с этим наука сделает большой шаг вперед и, возможно, эти изменения окажутся полезными в практическом смысле.

Однако нужно отметить, что это лишь одна из граней такого сложного понятия, как «правовая энтропия». Научный потенциал правовой энтропии далеко не исчерпан уже существующими приложениями. Для того чтобы разо-

браться в вопросах энтропии, понадобится прежде всего терпение: трудно сразу уловить все оттенки сложного понятия. Не случайно еще великий французский математик А. Пуанкаре заметил, что понятие энтропии «чудовищно абстрактно».

Список литературы:

1. Автономов А.С. Ювенальная юстиция: учеб. пособие. М.: НАН, 2009. 186 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 360 с.
3. Бачинин В.А. Социально-правовая реальность как предмет макросоциологического анализа // Журнал социологии и соц. антропологии. 2002. Т. V. № 2. С. 60–78.
4. Винер Н. Кибернетика и общество; общ. ред. и предисл. Э.Я. Кольмана. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 199 с.
5. Жеребин В.С. Правовая конфликтология: курс лекций: в 2 ч. Владимир: ВлГУ, 1998. Ч. 1. 127 с.
6. Зуев О.М. Актуальные вопросы минимизации последствий действия незаконных актов // Образование и наука: Изв. Урал. отд-ния Рос. акад. образования. Прил. 2006. № 1. С. 124–135.
7. Мамчун В.В. Правоприменительный риск. Проблемы теории. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2001. 136 с.
8. Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
9. Павлова Ю.В. Правовая энтропия. Владимир: ВЮИ Минюста России, 2005. 144 с.
10. Рассолов М.М. Проблемы управления и информации в области права. М.: Акад. МВД России, 1991. 88 с.
11. Рехтина И.В., Кардашов М.В. Динамика гражданского процессуального законодательства России под воздействием постановлений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 24–27.
12. Толстик В.А. Иерархия источников российского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2002. 54 с.
13. Хайтун С.Д. Трактовка энтропии как меры беспорядка и ее воздействие на современную научную картину мира // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 62–74.
14. Эминов В.Е., Максимов С.В., Мацкевич И.М. Коррупционная преступность и борьба с ней: учеб. пособие. М.: Юрист, 2001. 128 с.
15. Явич Л.С. Право и общественные отношения (основные аспекты содержания и формы советского права). М.: Юрид. лит., 1971. 152 с.
16. Явич Л.С. Необходимость и случайность, возможность и действительность в праве // Методологические проблемы советской юридической науки. М.: Наука, 1984. С. 66–82.
17. Haitun S.D. Entropy and Disorder: The Evolution of Views Concerning Their Connection // Thermodynamics: History and Philosophy. Singapore, 1991. P. 220–227.

New meanings for the concept of «legal entropy»

Erokhina Y.V.,

PhD in Law, Associate Professor HSE

E-mail: yerohina@hse.ru

Abstract. The author from the point of synergetic approach considers the concept of «legal entropy» in classical and non-classical versions. The article describes connection between entropy and uncertainty, disorder, disorganization, lack of organization, aggravation of contradictions in the legal system, instability, a measure of matter motion.

Keywords: legal entropy, legal system, uncertainty in the law, legal theory, synergetics.

References:

1. Avtonomov A.S. Juvenal'naja justicija: ucheb. posobie. M.: NAN, 2009. 186 s.
2. Alekseev S.S. Obshhaja teorija prava: v 2 t. M.: Jurid. lit., 1981. T. 1. 360 s.

3. Bachinin V.A. Social'no-pravovaja real'nost' kak predmet makrosociologicheskogo analiza // Zhurnal sociologii i soc. antropologii. 2002. T. V. № 2. S. 60–78.
4. Viner N. Kibernetika i obshhestvo; obshh. red. i predisl. Je. Ja. Kol'mana. M.: Izd-vo inostr. lit., 1958. 199 s.
5. Zherebin V.S. Pravovaja konfliktologija: kurs lekcij: v 2 ch. Vladimir: VIGU, 1998. Ch. 1. 127 s.
6. Zuev O.M. Aktual'nye voprosy minimizacii posledstvij dejstvija nezakonnnyh aktov // Obrazovanie i nauka: Izv. Ural. otd-nija Ros. akad. obrazovanija. Pril. 2006. № 1. S. 124–135.
7. Mamchun V.V. Pravoprimenitel'nyj risk. Problemy teorii. Vladimir: VJul Minjusta Rossii, 2001. 136 s.
8. Nazarenko T.N. Neopredelennost' v rossijskom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 23 s.
9. Pavlova Ju.V. Pravovaja jentropija. Vladimir: VJul Minjusta Rossii, 2005. 144 s.
10. Rassolov M.M. Problemy upravlenija i informacii v oblasti prava. M.: Akad. MVD Rossii, 1991. 88 s.
11. Rehtina I.V., Kardashov M.V. Dinamika grazhdanskogo processual'nogo zakonodatel'stva Rossii pod vozdejstviem postanovlenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka // Rossijskaja justicija. 2011. № 2. S. 24–27.
12. Tolstik V.A. Ierarhija istochnikov rossijskogo prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. N. Novgorod, 2002. 54 s.
13. Hajtun S.D. Traktovka jentropii kak mery besporjadka i ee vozdejstvie na sovremennuju nauchnuju kartinu mira // Voprosy filosofii. 2013. № 2. S. 62–74.
14. Jeminov V.E., Maksimov S.V., Mackevich I.M. Korrupcionnaja prestupnost' i bor'ba s nej: ucheb. posobie. M.: Jurist, 2001. 128 s.
15. Javich L.S. Pravo i obshhestvennye otnoshenija (osnovnye aspekty sodержanija i formy sovetskogo prava). M.: Jurid. lit., 1971. 152 s.
16. Javich L.S. Neobhodimost' i sluchajnost', vozmozhnost' i dejstvitel'nost' v prave // Metodologicheskie problemy sovetskoj juridicheskoi nauki. M.: Nauka, 1984. S. 66–82.
17. Haitun S.D. Entropy and Disorder: The Evolution of Views Concerning Their Connection // Thermodynamics: History and Philosophy. Singapore, 1991. P. 220–227.